

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-Воздушных Сил «Военно-воздушная академия», Челябинск, Россия
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Доцент, кандидат философских наук.
Докторант кафедры философии факультета Евразии и Востока Челябинского Государственного университета*

*Branch of Military Training and Research Center of the Air Force «Air Force Academy» of Chelyabinsk, Russia
Associate Professor of Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines, PhD.
Doctoral Student (D.Sc.) Department of Philosophy, Faculty of Eurasia and East, Chelyabinsk State University
matsyna@inbox.ru*

**МЕТАФИЗИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
АРХАИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ**

Данное исследование представляет собой попытку постижения общечеловеческого смысла смерти, восходящего к архаической традиции, элиминированного процессами десакрализации, социализации и профанизации сознания.

В работе акцентируется внимание на принципиальном несоответствии современных рассудочных подходов к проблеме архаического восприятия смерти, и, в частности, древней погребальной ритуалистики нерассудочным донаучным (мифологическим) формам восприятия непреодолимого конфликта жизни и смерти. В связи с этим центральной задачей исследования становится создание синтетической, интегральной концепции метафизики смерти, выводящей к возможности постижения архаических смыслов смерти, способной выступить полноценной, онтологически обоснованной теоретической основой единого исследовательского подхода к осмыслению древней погребальной ритуалистики.

Такой концепцией метафизики смерти явился её смысл как Восхождения к абсолютной Духовности. Центральным ядром данной концепции следует считать метафизику Преодоления, отражающую динамизм внутреннего духовного экзистенциального пространства, отражающий соотношение имманентности части с трансцендентностью целостного Бытия. Метафизика Преодоления как общесоциальный механизм архаики нацелена на сбалансированность в духовно-материальном развитии общества. В работе намечены пути ис-

следования погребальной ритуалистики, подразумевающие единый подход к погребальному ритуалу как глобальному инициационному акту древности.

Ключевые слова: древний погребальный обряд, метафизика смерти, онтология Возврата, онтология мифа, Метафизика Преодоления, диалектика предметности и энергичности.

**THE METAPHYSICS OF OVERCOMING
AS AN INTEGRATED MODEL OF THE
ARCHAIC PERCEPTION OF DEATH**

This study is an attempt to comprehend the universal meaning of death that goes back to the archaic tradition, the meaning eliminated by the processes of desacralization, socialization, and profanation of consciousness.

The paper focuses on the fundamental inconsistency of modern rational approaches to the issue of the archaic perception of death and, particularly, to the ancient burial rituals that use non-rational prescientific (mythological) forms of perceiving the insurmountable conflict of life and death. In this regard, the central objective of the study is to create a synthetic, integral concept of the metaphysics of death that leads to the possibilities of understanding the archaic meanings of death. This concept can be a comprehensive, ontologically grounded theoretical basis for a unified research approach to understanding ancient burial ritualism.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

This concept of the metaphysics of death has the meaning of Ascension to the absolute Spirituality. The central core of this concept should be considered as the metaphysics of Overcoming that reflects the dynamism of the inner spiritual existential space reflecting the ratio between the immanence of part and the

transcendence of the holistic Being. The metaphysics of Overcoming as an archaic general social mechanism pointed towards a society balanced in its spiritual and material development. In this paper, we proposed the ways to study burial rituals that imply a unified approach to the burial ritual as a global archaic initiatory act.

Key words: ancient burial rite, the death of metaphysics, Return ontology, ontology of myth, metaphysics of overcoming, the dialectic of objectivity and energetic.

Состояние науки, при котором выявляется неадекватность имеющихся средств достижения целей, называется кризисом и может сигнализировать о скрытых диспропорциях в предметной области и необходимости обновления научной методики. Философия, безусловно, не может взять на себя ответственность за решение проблем частных дисциплин. Однако, применение философского подхода в решении таких ситуаций, с одной стороны открывает дополнительные исследовательские возможности. С другой – выводит на специфичные аспекты философского осмысления действительности.

К концу прошлого века в археологии складывается устойчивый приоритет социально-экономического направления в исследованиях древности. Погребальный обряд трактуется в основном как совокупность рациональных действий, отражающих исходные инстинктивные поведенческие мотивы «опрятности» и «социальной привязанности»¹, либо как «зеркало» социальной структуры общества. В качестве основной исследовательской установки определяется распознавание погребальной символики в целях лишь социальных реконструкций². Вследствие этого начинают превалировать ко-

личественные, формализованно-статистические методы – исследования статистических совокупностей погребальных памятников по их формальным признакам (сопоставление по форме).

В 90-х гг. XX в ряд исследователей (М. Ф. Косарев, В. С. Ольховский, В. И. Гуляев и др.), обозначают сложившуюся ситуацию как кризисную. Ориентация на индексацию, типологизацию и систематизацию обрядовых признаков отмечается ими как тенденция, в значительной мере исчерпавшая свои возможности, не сулящая обнадёживающих исследовательских перспектив³. Обновление методики научного поиска требует гносеологически обоснованных ответов на вопросы об эвристике, исследовательском подходе и концепции осмысления древней погребальной обрядности.

Вопрос о потенциальной эвристике в контексте нашего исследования подразумевает поиск возможных путей наиболее продуктивного осмысления древней погребальной обрядности. Ориентация на исследование древнего обряда, минуя его духовную составляющую, уже не приемлема. Обряд – это совокупность действий, установленных ритуалом, в которых воплощаются мифологические или религиозные представления. Ритуал, в свою очередь, не имеет самодостаточного значения и утилитарного смысла. Он не-

¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 162.

² Генинг В. Ф., Бунытян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. С.10.

³ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. С. 319.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

сет основную символическую нагрузку, выражая связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей. С этих позиций реконструкция идеологической сферы обрядности представляется весьма сложным процессом, поскольку предполагает привлечение письменных, фольклорно-этнографических и других неархеологических источников.

Вполне понятное стремление исследователей-археологов к самостоятельному решению указанной задачи выводит их работу за пределы предметной области археологии, заставляя заниматься «не своим делом»⁴. Такой непрофессиональный подход оборачивается однобокостью осмысления, обусловленной отрывочной интерпретацией либо только письменных, либо только археологических источников. Он вырождается в процесс подбора подходящих иллюстраций и цитат⁵, или «подгонки под ответ»⁶. В обоих случаях отражается общая тенденция к констатации прямой связи содержания явлений исследуемой археологией реальности и мифо-религиозных представлений на основании отдельных отрывочных соответствий. При этом, по признанию самих исследователей, отсутствует как серьезная критика исходных посылок, так и теоретическое обоснование подобных сопоставлений.

Методические приёмы господствующего формализованно-статистического направления, по мнению М. Ф. Косарева, «оторваны» как от общей семантической основы погребальной обрядности, так и от её главных смысловых ракурсов – мировоззренческого, структурного и функционального. Следствием являются потери в эвристическом потенциале исследований. Кроме того, абсолютизация подобных методик чревата переводом исследования в формально-логическую плоскость⁷.

⁴ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. М., 1999. С. 12.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. С. 6.

⁷ Там же. С. 319.

С одной стороны, возможная продуктивность исследования связывается с тафологией, как составной частью более общей дисциплины танатологии. Однако В. С. Ольховский предполагает, что рациональное зерно этих подходов дискредитировано эзотерикой, парапсихологией, экстрасенсорикой и тому подобными квазинаучными направлениями⁸. С другой стороны, потенциальная эвристика этой области частично всё же связывается М. Ф. Косаревым с областями парапсихологии, теософии, сферой аналитической и трансперсональной психологии⁹.

Устранить противоречивость этих позиций, на наш взгляд, возможно лишь корректной постановкой проблемы на философском уровне. Это позволит теоретически обосновать привлечение и выяснить характер неархеологических источников, способных обеспечить получение качественно новых и достоверных результатов.

Недостаток достоверности результатов исследователи объясняют одноаспектностью (социальной, этнокультурной, хронологической, либо религиозно-мифологической) интерпретации статистических совокупностей погребальных памятников. Это осложняется бессистемным включением в терминологию понятий из разных областей знания, явной разобщённостью исследований в пограничных зонах (археологии, культурологии, лингвистики, этнологии и др.), отсутствием общего подхода и единой методологии осмысления.

Пути к снятию проблемной ситуации путем создания единого исследовательского подхода связываются с комплексностью, междисциплинарностью, включением специальной методики сопряжения различных дисциплин и источников, созданием унифицированного языка¹⁰. Важным признается вы-

⁸ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации. С. 13.

⁹ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. С. 296, 318-320.

¹⁰ Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации. С. 13.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

явление связи погребальной обрядности с архаической онтологией. Поскольку предполагается, что каноны погребальной обрядности содержат основные концептуальные положения архаического миропонимания – представления о структуре мироздания, душе, жизненном круговороте и т.д.¹¹

Следовательно, возникает задача соотнесения принципиально отличных друг от друга научной онтологии и онтологии мифа. Причем онтология мифа даже не отражена в дискурсивных формах, поскольку речь идет о древних памятниках бесписьменных культур. Возникает диспропорция между объектом и предметом исследования, который выходит за рамки не только частнонаучных, но и междисциплинарных изысканий.

Диспропорция усматривается и в стремлении к унификации языка. С точки зрения специалиста, сводящего воедино результаты междисциплинарных исследований справедливо стремление к унификации языка как систематизации его терминологической базы. А вот описание онтологии мифа уже представляется крайне сомнительным. Если под процедурой унификации языкового аппарата понимать метод устранения смыслового многообразия путем сокращения допустимых смыслов и приведения их к однотипности.

Становится вполне очевидным, что мы имеем дело с проблемой осмысления древней погребальной обрядности, которая заключается в столкновении предельно рационализованного и герменевтически окрашенного подходов. Первый, ориентируясь на формализованно-статистические методы, минимизирует возможности осмысления (постижения религиозно-мифологической сути) обрядности. Второй подход выстраивается как альтернативный поиск решения и гносеологически недостаточно обоснован. Эти вопросы составляют, своего рода, степень неопределенности проблемы, и требуют разработки концепции осмысления погребальной обрядности.

Любая гипотетически полная реконструкция погребальной обрядности не означает полного постижения её религиозно-мифологической сути. Поэтому одним из главных условий объективности осмысления признаётся выявление идеальной модели погребения и отклонений от неё. Функция философско-гносеологического подхода к обозначенной проблеме состоит в том, чтобы обеспечить исследование погребения, его «идеальной модели» и реконструируемой обрядности не отдельно, самих по себе, но как элементов единой системы. То есть, как глубоко взаимосвязанных частей единого целого.

М. Ф. Косаревым, на сибирском этнографическом материале, осуществляется попытка выделения общекультурной идеальной модели погребения. Идеальная модель погребения – это идеализация погребения по определённому набору признаков. Косарев идеализирует погребение на основе ведущих черт, отражающих, с его точки зрения, основные непреходящие мировоззренческие смыслы погребальной обрядности общечеловеческого содержания. В концепции М. Ф. Косарева такая идеальная модель характеризуется структурной двусоставностью. Предполагается, что структурная двусоставность погребения отражает языческие представления о Мироздании как о триедином¹² соединении структурных частей нижнего (хтонического, поземного), среднего (земного) и верхнего (небесного) миров. При этом подземная часть погребения (могильная яма) демонстрирует связь с нижним (хтоническим) миром, а наземная (курганная насыпь и т.д.) – с верхней (небесной) сферой. Функциональная двунаправленность погребения, с точки зрения М. Ф. Косарева совмещает два («нижнее» и «верхнее») мировоззренчески осмысленных направления *post-mortem*, обусловленных специфически-субстанциальными мифологическими представлениями о многосоставности души. Такие представления в той или иной мере присущи и древним египтянам¹³, древним японцам¹⁴,

¹¹ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. С. 296, 320.

¹² Там же. С. 127,132,234.

¹³ Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. М., 1996. 416 с.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

кельтам¹⁵ и другим народам древности. Эта древняя схема многосоставности души, по мнению М. Ф. Косарева, в общем, сводится к представлению о двуединой и двунаправленной душе, как единстве двух главных, динамичных по своему содержанию жизненных сил («тёмная», бrenно-телесная и «светлая» – духовная). Это, своего рода, две диалектические противоположности, немыслимые одна без другой. Позицию М. Ф. Косарева можно обозначить как тезис о двойственно-динамической структуре представлений о душе, отображаемой погребальной обрядностью.

В. И. Гуляев и В. С. Ольховский выводят процесс интерпретации погребальной обрядности за границы традиционной археологии. Поскольку на этапе реконструкции идеологической основы погребальной обрядности традиционно-вещеведческий анализ исчерпывает себя, а исследователь вступает в совершенно иную область интерпретации¹⁶. Это, безусловно, свидетельствует о недостаточности ресурсов для решения проблемы в предметной области традиционного вещеведения.

Отталкиваясь от истории материальной культуры, находясь в предметных рамках археологии и этнографии, мы вынуждены идти индуктивным путем. Альтернативный, гипотетико-дедуктивный путь, выстраивается от общего понимания проблемы на философском уровне¹⁷. Предельно абстрагирующая философская мысль позволяет сформировать общую идею и концепцию решения проблемы.

На этом уровне осмысление погребальной обрядности может быть воспринято как понимание

феномена смерти в онтологическом аспекте через объективированные формы его духовного восприятия. Объективированные – значит опредмеченные, превращенные в объект (в первую очередь – в погребальной ритуалистике). Практика обращения с умершими, возникновение погребального обряда является признаком человека. То есть, признаком культурного преодоления противоречия между Жизнью и Смертью.

Постановка проблемы на философском уровне влечет за собой изменения объекта и предмета исследования, а так же исследовательского подхода. Объектом исследования в этом случае становится оппозиция Жизни и Смерти как предельная характеристика Бытия, а предметом – смерть как онтологический феномен, данный человеку в объективированных формах его духовного восприятия. Такое исследование должно идти в русле онтологически сбалансированного межпарадигмального синтетического подхода, учитывающего особенности онтологии мифа.

Обозначенные принципы легли в основу философской пролиферации¹⁸ теорий вокруг тезиса о двойственно-динамической структуре представлений о душе, отображаемой погребальной обрядностью. Это позволило сформировать теоретическую основу концепции осмысления древней погребальной обрядности на основе интегральной модели архаического восприятия смерти.

В соответствие с задачами исследования была проведена классификация эффективности танатологических концепций в решении триединой проблемы жизни-смерти-бессмертия (И. В. Вишев), в аспекте метафизики смерти как представлений о бессмертии (В. Ш. Сабилов).

В рамках классификации было выделено несколько различных направлений метафизики смерти. В нашей классификации легко различимы рационалистическая (научно-оптимистическая и активно-

¹⁴ Бакшеев Е. С. Представления о «душе», «жизни» и «сердце» в традиционной японской культуре // Вестник Московского университета, серия 13, востоковедение, 2001, № 3. С. 17-36.

¹⁵ Носенко Е. Э. Представления кельтов о загробном мире. Дохристианская эпоха // Вестник Древней истории. 1990, №3 (194). С. 101-112.

¹⁶ Гуляев В. И., Ольховский В. С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации.

¹⁷ Мацына А. И. Некоторые проблемы философского подхода к осмыслению древней погребальной обрядности // Вестник ЧелГУ. Челябинск, 2005. Серия 1. История. С. 19.

¹⁸ Мацына А.И. Смерть как онтологическая категория (Метафизика смерти). Дисс. канд. философских наук. Челябинск, 2006. 150 с.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

эволюционная иммортология, естественнонаучная, феноменологическая и психоаналитическая танатология), и нерационалистическая (религиозно-пессимистическая, религиозно-идеалистическая, религиозно-эзотерическая и эволюционно-спиритуалистическая танатология) трактовки феномена смерти. Рационалистическая трактовка минимизирует исследовательские возможности и элиминирует саму проблему жизни-смерти-бессмертия. Нерационалистическая постановка проблемы, представленная религиозно-идеалистическим и религиозно-эзотерическим направлениями, оказывается наиболее продуктивной для нашего исследования.

Религиозно-идеалистическая танатология (И. Брянцианинов, К. Х. Клемен, П. Флоренский, С. Роуз, А. Кураев, П. Неллас и др.) включает феномен смерти в число сущностных характеристик человека, коренным образом меняя его онтологию. И смещает внимание к осмыслению смерти как трансцендентного, выведенного за пределы земного существования состояния жизни. Либо как чего-то чуждого, инакового жизни, являющегося одновременно окончанием бытия и началом инобытия¹⁹. Мистериальный опыт восприятия смерти сближает позиции религиозно-идеалистической и религиозно-эзотерической танатологии.

Религиозно-эзотерическая танатология (Р. Генон, М. Гендель, Г. О. Мёбес, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ю. Мисима, К. Кастанеда, Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин, М. Лайтман и др.) основывается на представлениях о человеке как манифестации Абсолюта. При этом телесность рассматривается как низшая, периферийная ступень этой проявленности. Религиозно-эзотерическая танатология рассматривает феномен смерти в наиболее широком традиционно-культурном диапазоне. Оба рассмотренные варианта танатологии реализуют це-

лостный подход к проблеме смерти. И оценивают смерть как некий переход к личностному инобытию.

На основе нерационалистических трактовок и их традиционных религиозных и мифологических оснований реконструирована онтологическая основа и сформирована интегральная модель архаического восприятия феномена смерти.

В современности постановка и разрешение смертной проблематики происходит на мифологическом, религиозном, рационально-научном и обыденном уровнях рефлектирующего сознания. При более пристальном рассмотрении философские концепции зачастую оказываются основанными на мифе, религиозной догме, либо научном постулате и несут сложный, сборный состав понятий, проистекающих одновременно и из мифологически образного, и из аскетически религиозного, и из научного восприятия действительности. Порой неуловимые и трудно обозначаемые мировоззренческие переплетения совсем не обязательно несут в себе отрицательный гносеологический смысл. Стремление к глобальному синтезу естественно и оправдано для философской постановки смертной проблематики. В реальной гносеологической ситуации философский подход выполняет функцию «связующего раствора» для комбинации из элементов мировоззренческих форм. Открытый влияниям извне, он предоставляет значительную творческую свободу субъекту познания.

Факт независимого существования мифа, религии, науки как самостоятельных систем взглядов и идей требует формирования толерантного исследовательского подхода²⁰ в рассмотрении разноплановых концепций метафизики смерти. Это способствует существенному расширению исследовательских границ и учету мифологической, религиозной и научно-рациональной мировоззренческих форм как основных компонентов плюралистичного по своей сути философского знания.

¹⁹ Мацына А. И. Динамическая модель архаического восприятия смерти как результат философского осмысления древней погребальной обрядности // Вестник ЧелГУ, серия Философия. Социология. Культурология. Челябинск, 2014, № 11 (340). С. 28-31.

²⁰ Толерантность в контексте нашего исследования подразумевает терпимость к разного рода взглядам, нормам поведения, привычкам, отличным от тех, которые разделяет субъект. Открытость для любых идейных течений, отсутствие страха перед конкуренцией идей.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

Возникает вопрос о позициях, с которых возможно толерантное рассмотрение разноплановых концепций метафизики смерти. Если эмпирические знания находятся в зависимости от принятой теории, то сама теория должна зависеть от своих исходных принципов - гносеологических и онтологических оснований. Основополагающую роль в формировании оснований теории играет мировоззренческая форма, доминирующая в реализации познания. Мифологическое, религиозное, и научное (опирающееся на науку), мировоззрения порождают принципиально отличные друг от друга познавательные и онтологические схемы философской рефлексии. Различия в этих базовых схемах являются глубинными, парадигмальными, если определять парадигму как корневую подоплёку любой идеологии²¹. Термин «парадигма» (Т. Кун, Ф. Капра и др.), даёт достаточно ёмкую форму для наполнения ее содержанием и мифологических и религиозно-идеалистических и научно-рациональных концепций. А. Дугин раскрывает понятие предельно общей парадигмы как более или менее обширный комплекс установок, закономерностей, предопределяющих понимание и рассмотрение природы реальности. Данные установки порождают различные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, являясь для них неким «общим знаменателем». Основанный на этом понятии метод сверхобобщающих парадигм (парадигматический метод), оперирует не с содержанием конкретных высказываний, а с парадигмальными закономерностями, предопределяющими весь спектр высказываний. При этом анализу подвергается не научно-философская саморефлексия, а общий для всей серии научных дисциплин и систем их парадигмальный источник²².

Выделяемые А. Г. Дугиным сверхобобщающие парадигмы «сферы», «луча», и «отрезка» подчёркивают кардинальное различие онто-

гносеологической ситуации в пределах мифа, религии и рациональной науки. Мифологическое мышление «сферично», образно, алогично. Оно подчиняет познание принципам, задаваемым «ядром» центрального мифа, проявляющемся через имманентные стороны «сферического» бытия. Поэтому субъект мифологического познания принципиально не отделён от объекта. Гносеологическая ситуация в мифе определяется принципом «всего во всём» и всеприсутствия трансцендентного Первопринципа. Религиозный подход изначально разделяет сферы трансцендентного, абсолютного бытия и бытия тварного. При этом декларируется возможность познания трансцендентной области в соответствии с догматическими принципами, иерархически распространяемыми на сферу сущего по принципу подобия. В религиозном познании утверждается принцип гносеологического дуализма, когда познание чувственно воспринимаемой реальности отделяется от догматического познания сферы абсолютного. Десакрализованное рационально-научное мировоззрение принципиально устраняет понятия абсолютной реальности, абсолютного познания. Гносеологический дуализм заменяется монизмом, а субъект познания принципиально отделяется от объекта. И субъект, и объект рационально-научного познания выступают уже как изолированные, обособленные части реальности²³.

Данные различия кардинально влияют на обоснование цели и результат познания. Это отражается и на формировании общих мировоззренческих концепций бытия и небытия, лежащих в основе философских трактовок оппозиции Жизни и Смерти. Роль онтологии в глобально-эсхатологической проблематике справедливо отмечается исследователями как базовая. В частной эсхатологии онтологический подход ещё более востребован в связи с необходимостью «высветить» особенности восприятия феномена смерти, «неуловимые» на историческом и культурологическом уровнях. Именно онтологические характеристики коренным образом определяют как постановку смертной проблематики, так и её решение в

²³ Там же.

²¹ Парадигма – образец, пример, своего рода эталон, который берется для доказательства определенных смысловых связей между изучаемыми явлениями.

²² Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002. 418 с.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

рамках той или иной культурной традиции. Говоря иными словами, состав метафизики оппозиции жизни и смерти зависит от качеств бытия, предельной характеристикой которого она является.

Основополагающая роль исходных тезисов онтологического характера ярко проявляется в формировании частноэсхатологических концепций. Например, в ошибочной тенденции сводить любые версии как мифологического, так и религиозного мировоззрений к креационизму²⁴. Под религиозным креационизмом понимается концепция сотворения жизни сверхъестественным образом. Современные формы креационизма справедливо определяются при этом как секуляризованные формы креационизма религиозного. Креационизм противопоставляется эволюционистским, научно-рациональным формам познания. Между тем, более точное определение парадигмально-онтологических основ мифологического и религиозного мировоззрений, ошибочно объединяемых в один креационистский массив, может дать более детальную картину.

Авраамическим религиям Откровения²⁵, действительно, присуща креационистская онтология. По-иному обстоит дело в отношении так называемых религий Природы (Л. Фейербах): «естественных» языческих верований – древних первобытных, современных примитивных сакрально-мифологических традиций, ритуально-мировоззренческих комплексов (древнеегипетского, древнемесопотамского, древнегреческого и др.) и религиозно-философских систем (брахманизма, индуизма, буддизма, тантризма, синтоизма и т. д.), выделяемых специалистами в отдельные номенклатурные группы. М. Ф. Косарев, к примеру, определяет мифологическую онтологию «естественных» языческих культов, как в корне отличающуюся от религиозной.

Подобным традициям свойственна онтология так называемого манифестационистского типа. Противопоставление по линии «креационизм – манифе-

стационализм» указывает на качественное различие частной эсхатологии мифа, религии и научно-рационального мировоззрения. В работах по проблемам мифа видна тенденция к рассмотрению языческих верований, древних мифо-ритуальных комплексов, религиозно-философских систем восточного типа как объединённых общим истоком – комплексом древних архетипических знаний (М. Ф. Косарев), примордиальной традицией (Р. Генон), мономифом (Г. В. Зубко). При этом рассматривается возможность генетической взаимосвязи с ними полноценного эзотеризма²⁶ (А. Дугин).

В связи с этим миф выступает как определённая система взглядов на сакральное устройство реальности, феномены которой (вещи, существа, события, явления) связаны множеством ассоциативных сюжетов, являющихся ее элементами или развитием её отдельных аспектов. Значительная степень открытости мифа по отношению к иным комплексам представлений обуславливает взаимообмен элементами и появление новых сложных мифологических моделей. Отсутствие строгого порядка в системе мифологических верований, затрудняет корректное понимание мифологической логики, порождает несправедливое мнение о хаотичности и непоследовательности мифологических систем. Однако, принцип иерофании предполагает в центре мифа основополагающую метафизическую доктрину – самую существенную часть такого мировоззрения. Этот онтогносеологический центр определяет всё остальное как периферическое. А степень мифологической реальности определяется степенью удалённости периферии относительного знания от сферы изначальных принципов. К. Г. Юнг, К. Кереньи, столкнувшиеся с особенностями магики-мифологического сознания, употребляют понятие манифестации как проявления бессознательного. Р. Генон и современные адепты его учения (в первую очередь А. Г. Дугин), расши-

²⁶ Полноценный эзотеризм с позиции интегрального традиционализма мыслится как манифестационистская подоплека в живых креационистских традициях (каббала в иудаизме, герметизм в христианстве и суфизм в исламе).

²⁴ Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002. 324 с.

²⁵ Иудаизм, христианство, ислам.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

ряют понятийные рамки манифестационизма, применяя его уже как принцип, удачнее всего характеризующий мировоззренческие системы традиционного общества сакральных (донаучных) цивилизаций. Манифестационистская онтология, в отличие от теологической, характеризуется холизмом, алогизмом, метаморфичностью, анимизмом, цикличностью и сакральностью²⁷.

В центре «сферического» манифестационистского бытия находится его метафизическая причина. Сам мир и его сакральный исток рассматриваются как нечто качественно единое и однородное, отсутствует фундаментальное различие Творца и творения. Возникновение мира трактуется как «creatio ex deo» – творение из божества²⁸. Сущее воспринимается как манифестация²⁹ сокрытого Первопринципа, обналичивающегося в любом феномене бытия. Периферийный уровень чувственно воспринимаемого бытия удалён от центрального средоточия, но является субстанциально единым с ним. Поэтому имманентная реальность периферии характеризуется прямым присутствием в её составе трансцендентного первоначала³⁰. Такое неочевидное присутствие является всеобщим и всеохватывающим, соединяющим имманентные³¹ стороны бытия с его трансцендентным принципом.

Это обуславливает мифологическое восприятие мира, сущего как единого целого. Согласно принципу холизма целое первично по отношению к составляющим его частям. Целое организует, выстраивает и завершает части, наделяя их бытием, несвойственным для каждой из них, взятой в отдельности. В качественном и организационном отношении манифестационистская онтология рассматривает мир (сущее) как высшую, всеохватывающую реальность.

²⁷ Дугин А. Г. *Философия традиционализма*. М., 2002. 624 с.

²⁸ Дугин А. Г. *Эволюция парадигмальных оснований науки*.

²⁹ Т. е., внешнее выражение, проявление.

³⁰ Дугин А. Г. *Философия традиционализма*.

³¹ Т. е., пребывающие внутри, внутренне присущие, естественные.

Глубинное основание такой онтологии ярко выражено в известной адвайто-ведантской формуле «атман есть брахман». Согласно этому индуистскому принципу «высшего тождества», человеческий дух, как и вся ткань реальности, являются проявлениями неизменного Первоначала, сердцевины сущего, обнаруживающего себя через неограниченное множество проявлений.

Следствием этого является алогичность манифестационизма. Синхронное присутствие тождества наряду с нетождественностью, устранение любых онтологических разграничений утверждает возможность сложных метаморфоз качественно единой бытийной ткани, организованной в соответствии с единым трансцендентным порядком. Любой фрагмент реальности (развёрнутого проявления сокрытого начала) связан общим происхождением и наделяется способностью взаимоперехода и видоизменения. Это предполагает всеобщую взаимосвязь, тотальную сущностную метаморфичность и сохранение единой сущности в едином проявленном бытийном ансамбле. Онтологический статус любого существа представлен не его конечной видовой принадлежностью, а временно-промежуточной, переходной «степенью экзистенциальной напряжённости в общей структуре Вселенной»³². Самодостаточным в этом случае оказывается лишь целостный рельеф сложнейшего пульсирующего онтологического пространства без строго фиксированных барьеров. В таком бытии всё способно переходить во всё, но исключается происхождение любой категории сущего из иного, кроме центрального трансцендентного источника.

Важным следствием мифологической иерофании является анимизм – система представлений о некоей одухотворенности мира, наличии в составляющих его частях особой невидимой субстанции – души. Эти представления в значительной степени влияют на формирование частноэсхатологических представлений. У мыслителей как раннего (мифологического), так и более позднего (классического) периодов античной мысли, сохраняется эпическое, от-

³² Дугин А. Г. *Философия традиционализма*. С. 286.

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

странённое восприятие смерти. Она воспринимается не как абсурдный конец бытия, а как метаморфоза вещей и существ внутри вечного и неизменного мира. Согласно циклологической концепции Пифагора Самосского бессмертная душа периодически перевоплощается, оживотворяя собой телесность. Пифагорейская версия метемпсихоза сходна с религиозно-философской доктриной о вечном возвращении, и, скорее всего, заимствована из орфизма – мистического учения, связанного с орфическими мистериями. Древнегреческое восприятие смерти в целом не выходит за рамки манифестационизма и холизма и предполагает наличие спонтанно-активного начала души, разлитого во всё сущее и управляемого универсальным интеллектом. В учении Парменида отсутствует пустота, небытие. Поэтому в собственном смысле не может быть ни возникновения, ни гибели. Подобная целостно ориентированная метафизика характерна не только для Парменида, но и для диалектика Гераклита Эфесского. Гносеологическим эквивалентом Целого в имманентной онтологии становления Гераклита является Логос. Он охватывает и синтезирует противоположности. Поэтому материя и дух выступают у него как синонимы. Душа человека уподобляется персональному Логосу, совпадающему в итоге с «мировой душой», великим Логосом. Рождение и гибель, возникновение и исчезновение, жизнь и смерть, бытие и небытие обуславливают и переходят друг в друга, они взаимосвязаны единой «пламенеющей» диалектикой Логоса. Душа бессмертна и смерть есть рождение души для новой жизни. Отсутствие небытия у Парменида, так же, как и диалектический взаимопереход бытия и небытия у Гераклита, могут рассматриваться как характерные аспекты мифологически-холистской онтологии.

Центральным принципом платоновской онтологии является понятие о самопознающей, самораскрывающейся в сложном, замкнутом цикле мировой души причины возникновения, изменения и любого движения всех вещей. Бессмертное, неизменное и цельное начало мира, она является истинным бытием, несовместимым со смертью и синонимичным жизни. Вечное движение души обуславливает веч-

ный взаимопереход противоположностей жизни и смерти. Смерть в такой схеме затрагивает лишь материальную сторону человека. Возможность же постижения души, как бессмертной части человека связывается с необходимостью постижения природы Целого.

Такому подходу в некоторой степени созвучна аристотелевская идея «недвижимого двигателя» – идеального и абсолютного начала, изложенная в «Метафизике». Это предопределяет трактовку души как «первой сущности» – вечной, обособленной от чувственно воспринимаемых вещей, неделимой, не имеющей величины и являющейся чем-то третьим по отношению к сменяющим друг друга возникновению и гибели. Имматериальная и нетелесная, целеустремлённая душа по Аристотелю есть энтелехия тела – организующий принцип, источник и способ регуляции наблюдаемого поведения организма. Это целеустремлённая энергия, движущая сила, реализующая возможность. Это некий смысл и форма, а не материя, не субстрат – отражение актуальной действительности всемирного и вечного Ума. Душа вечна и бессмертна, смерть тела освобождает душу для её вечной жизни. Различия во взаимодополняющих подходах Платона и Аристотеля обнажают многогранность единой в своей сути сакральной онтологии.

Частноэсхатологическая триада³³ античного холизма активизирует две первые составляющие Жизнь-Смерть. Смерть существует, она реальна и составляет противоположность жизни. Индивидуальная же смерть сосуществует с индивидуальной жизнью в общем онтологическом узоре жизни Целого. Бессмертие достойно рассмотрения лишь в свете реально существующей смерти как возможности соединения души с абсолютной истиной, абсолютным Принципом. Смерть является пределом, скрывающим трансцендентное содержание бытия. Такой холистски ориентированный онтологический прообраз соотносится с интуитивно-интеллектуальными моде-

³³ Неразрывная триада категорий «жизнь-смерть-бессмертие» (по И. В. Вишеву).

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

лями осмысления смерти как вечной антитезы механистически-рациональным моделям и их античному прообразу – демокритовскому атомистическому учению о всеобщей смертности, конфликтующему с принципами манифестационистской онтологии.

Причинно-временная ситуация в мифе обладает характеристиками, принципиально отделяющими эту мировоззренческую форму от других. В частности, линейная последовательность событий (время) присутствует в мифе, но на правах внутреннего принципа, структурирующего имманентную реальность. Поскольку причинный фактор мифологического восприятия находится не вне, а внутри любого явления, внутри времени присутствует трансцендентный фактор – вечность. Поэтому миф онтологизирует другое время – циклическое, замкнутое, что обуславливает не диахронически-последовательную, но синхронически-сущностную связь событий, явлений и вещей. Рассматриваемое в циклической перспективе, сущее пульсирует ритмами Первопричины, время движется по круговой модели, а глобальная история повторяется.

Жизнь – начало, развитие и конец мира – соединяются манифестационистской онтологией в единый циклически-спиралевидный процесс. Циклическая доктрина манифестационизма, по мнению Р. Генона, является полным отрицанием идеи прогресса, эволюции. Диалектическое развитие манифестируемого (проявленного) мира происходит по нисходящей линии – от своего расцвета к упадку, от высшего к низшему. Идея циклической дегенерации (деградации) формирует общее пессимистическое осмысление как всей реальности, так и эсхатологической перспективы. Циклическое развитие отражает процесс нисхождения проявления, «прогрессирующую материализацию» Принципа, соотносящегося с чистой духовностью. Само циклическое движение при этом состоит из двух одновременных взаимодополняющих тенденций отделения от Принципа и Возврата к Принципу, сравнимых с процессами биения сердца, дыхания, пульсацией. Диалектические процессы роста в природной сфере становления аналогичны фазе отделения от принципа. В измерении

индивидуальных жизненных процессов зачатие, рождение и рост организма соотнобразуются с отделением от Принципа. Угасание жизненных сил, смерть организма знаменует собой начало фазы возврата к Первопринципу. Оппозиция жизни и смерти, реализация принципа смерти принимаются такой онтологией как естественное, неперемное условие преемственности циклов. Поступательно-возвратная модель промежуточного, метаморфического осмысления действительности представлена в шаманизме. В основе этого мифо-религиозного мировоззренческого комплекса лежит идея посреднической связи полюсов Вселенной. В динамическом ракурсе онтология мифа может быть охарактеризована как манифестационно-циклическая онтология Возврата, или возвратная онтология.

Существенной характеристикой возвратных онтологий является сакральность, сакрализация бытийных смыслов, проистекающая из иерофании мифа. В этом смысле сакральность можно определить как соотношение элементов сущего с центральным трансцендентным принципом бытия. Синонимически-смысловые оттенки характеризуют сакральное как священное, сокрытое, божественное, сверхъестественное, небесное, трансцендентное, вечное, истинное, высокое. Антитезой сакральному в этом случае является профанное, десакрализованное, мирское, преходящее, обыденное, земное, материальное, посястороннее, низкое и т.д. В мифологической иерофании сакральное и профанное существуют в нерасчленённом, неравновесном единстве, обусловленном смысловым преобладанием идеи центра.

Таким образом, особенность онтологии мифа может быть сведена к представлению о наличии прямой субстанциальной связи мира, бытия и сознания с Первопричиной (Абсолютом), находящейся в самом мире. Онтология мифа специфически диалектична и особенным образом трактует соотношение части и Целого (Абсолюта). Диалектика нисхождения Абсолюта в периферийный мир феноменов дополняется невидимой фазой компенсирующего восходящего движения феноменов от периферии к Абсолюту. В перспективе такой онтологии Возврата смерть пред-

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

ставляется началом возвратной фазы непрерывно повторяющегося цикла «восхождение-нисхождение». Онтология Возврата противопоставляется онтологии конечного, абсолютизирующей принцип Ничто. И отвергающей восприятие человеческого существа как неотчуждаемой части Целого. Онтология конечного, лежащая в основе рационалистических трактовок, устраняет архаически-духовное измерение смерти.

Онтология Возврата соотносится с мифологемой Пути, связанной с архетипическими рядами Смерти и Трансформации. Символы, отражающие природную цикличность, присутствуют одновременно как в заупокойных, так и в инициатических традициях древности. Такая диалектика единства жизни и смерти, вписывает субъекта в Бытие посредством схемы, смысл которой может быть генерализован ключевым термином «Преодоление».

Ассоциативное повторение в мифе модели природных циклов раскрывает отношение «человек-мир» через отношение «часть-целое». В роли Целого выступает Первопричина, проявляющаяся через материальный мир. В роли части выступает сам субъект в материальном мире. Принцип соотнесения части и Целого реализуется в инициатических практиках. Инициация – способ трансцендирования реальности, когда субъект воспринимает себя в качестве объекта в соотношении со сферой абсолютных смыслов. Происходит неоднократное преодоление чувственной реальности путем самоотречения конечной ограниченной части ради наполнения ее трансцендентными содержаниями бесконечной целостности Бытия. Преодоление собственной объектности - это одновременно и уничтожение старой и создание в себе новой объектности (рождение новой личности). Это перманентная травматически-жертвенная, преодолевающая соотнесенность части и Целого, актуального и потенциального, действительного и возможного, субъекта и Первопричины.

Суть человеческой экзистенции с этих позиций раскрывается как процесс самопреодоления конечности путем самопожертвования, соотносящимся с символом «солнечной» жертвы, когда подразумева-

ется, что Целое отдает часть себя во имя развития низшей ступени иерархии. Для метафизики Преодоления характерны такие смыслы человеческой экзистенции как «истинная» и «неистинная» жизнь и смерть. Меняется и содержание понятия смерти. Мы находим восприятие естественной смерти как акта возвращения в мир Абсолюта и искусственную символику смерти для отражения этапа восхождения к сфере абсолютных смыслов. То есть, феномен смерти раскрывается как основополагающий принцип восхождения к Абсолютному, к абсолютной Духовности. В связи с этим метафизика смерти в структуре онтологии Возврата раскрывается как метафизика возвратного Восхождения.

Представления об этой травматически-жертвенной связи субъекта и Первопричины объективируются в древней культуре посредством ритуала, древнейшая основа которого – символический переход между различными формами космического и социального бытия (живое и неживое, человеческое и сверхчеловеческое, природное и социальное). Выход в сферу абсолютных смыслов возможен не только посредством письменных, дискурсивных форм рефлексии, но и через совершенствование форм ритуализации. Максимальную онтологизацию жизненного процесса путем ритуализации мы можем наблюдать в бесписьменных культурах.

Психические структуры, формирующие эту модель, по всей видимости, специфически соотносятся. Доминируют нерассудочные восприятия, которые рассудочно оформляются (объективация). При этом объективация нерассудочных восприятий прочно связывает человека с окружающей социальной и естественной средой. Мифологическое сознание использует любой материал под рукой, а непрерывная цепь ассоциативных сюжетов, имманентных сознанию, порождает бесконечное количество форм.

Подвергаясь постоянной рефлексии, явление смерти «выхватывается» мифологическим сознанием как символ, маркирующий естественное возвращение в сферу Абсолюта. Вследствие этого, вся мифологическая культура предстает как тотально инициатическая. Её радикальный акт – акт самоотречения, само-

Андрей Иванович МАЦЫНА / Andrey MATSYNA

**| Метафизика Преодоления как интегральная модель архаического восприятия смерти /
The Metaphysics of Overcoming as an Integrated Model of the Archaic Perception of Death |**

пожертвования. В основе этой модели лежит понимание жертвы как активной инициативы (жертвующей) части в пользу Целого как иерархической совокупности составляющих его (получающих в дар) частей. Внутренняя (жертвенная) динамика взаимоотношения частей телесно-духовной экзистенции является основой для понимания инициатического акта как смерти и смерти как глобального инициатического акта.

Данная схема соотносится с мистическим переживанием, основой которого является нерациональный уровень психики, функционирующий на уровне безречевых образований из плотно спаянных воедино образов и «что-то вроде» (Г. Бейтсон). Это пространство мистического переживания мы склонны трактовать как эквивалент утраченного мифологического контекста. Или гипотетически полное духовное пространство метафизики Преодоления.

Интегральная модель архаического восприятия смерти как Преодоления (метафизика Преодоления), на наш взгляд, наиболее адекватно отражает предфилософский способ трансцендирования Бытия в контексте соотношения части и Целого. Она концептуально обобщает архаические варианты культурного снятия оппозиции Жизни и Смерти. Такая модель может послужить ядром теории осмысления древнего ритуала, существенно изменяя его алгоритм. Древняя погребальная обрядность предстает в этом случае, прежде всего, как деятельность погребально-инициатическая, как звено тотальной ритуальной цепи приобщения человека к мировому Целому путем непрерывного обращения к смерти.

Общечеловеческое содержание этой модели, а также глубокая укорененность порождающих ее психических структур, подтверждается тем, что мы можем встретить ее объективации в различных культурных традициях – от инициатических практик древности до проявлений сознательного самопожертвования (традиции воинов, духовное подвижничество, мученичество, жертвующий героизм), до ужасающих симулякров «адской недели»³⁴.

³⁴ Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 2014. С. 109.

Думается, что объективации метафизики Преодоления подвержены культурно-диахроническому развитию, которое можно одновременно рассматривать и как эволюцию форм объективации метафизики Преодоления, и как деградацию её глубинных смыслов. Современное же понимание этих смыслов зависит от исчезающих контекстов вплоть до полного отрицания этих смыслов разумом³⁵. В связи с этим крайне востребованной становится детализация схемы метафизики Преодоления как процесса трансформации персональной идентичности человека, изменения предметно-энергетического³⁶ контура его связи с миром.

³⁵ Мацына А. И. Динамическая модель архаического восприятия смерти как результат философского осмысления древней погребальной обрядности // Вестник ЧелГУ, серия Философия. Социология. Культурология. Челябинск, 2014, № 11 (340) С. 28-31.

³⁶ Невелев А. Б. Предметность и энергичность бытия // Бытие человека: Проблема единства в многообразии современного мира. Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2012. С.9.

